СОДЕРЖАНИЕ

Введение . . . 6

Глава 1. Древнерусская культура и Запад в XV — начале XVI века . . . 27
Флорентийский собор . . . 27
Зоя (Софья) Палеолог: Италия и греки . . . 42
Выбор супруги . . . 52
Религия Зои . . . 58
Итальянцы и греки в Кремле . . . 62
Италия и Россия . . . 80

Глава 2. Религиозная культура и перевод . . . 82
Архиепископ Геннадий и новгородские переводы . . . 84
Двор Василия III . . . 94
Книги и чтение . . . 110

Глава 3. Сицилия и Троянская война . . . 120
Сицилия в XIII веке . . . 122
Источники Гвидо . . . 129
От Бенуа к Гвидо . . . 133
Куртуазность и рыцарственность . . . 136
Любовь . . . 140
Короли, бароны и герои . . . 146
Изменник Эней: Бенуа и Гвидо . . . 151
История и роман . . . 154
Гвидо и Сицилия . . . 157

Глава 4. Гвидо делле Колонне в русском обличье . . . 163
Читатели «Истории» Гвидо на Руси . . . 170
Наставник царевича и царь . . . 179
Темы . . . 184
Курбский и Эней . . . 213

Заключение . . . 224

Приложение. Пролог к Historia destructionis Troiae . . . 229

Библиография . . . 232

Указатель имен . . . 262

ВВЕДЕНИЕ

Троянская война кажется чем-то совершенно чуждым и незначительным для России XVI века. Однако в домодерном мире она была не просто мифом. В античную эпоху, в Византии и в средневековой Западной Европе ее считали реальным событием и, соответственно, рассказы о ней включали во всемирные истории. Сведения из византийских источников занимали несколько страниц в исторических компиляциях, имевших хождение на Руси в Средневековье и раннее Новое время, включая «Хронограф», в других сочинениях. Тем не менее до середины XVI века история Париса, Елены Троянской, Ахилла и Гектора, троянского коня и бегства Энея играла незначительную роль в древнерусских представлениях о мире. К середине XVI века был сделан полный перевод очень популярного западного сочинения о Трое — латинской «Истории разрушения Трои» («Historia destructionis Troiae»), написанной жившим в XIII веке сицилийским судьей Гвидо делле Колонне. Текст перевода был включен в Лицевой летописный свод — обширную всемирную историю, включавшую Русь и проиллюстрированную тысячами миниатюр. Эта историческая компиляция была, скорее всего, составлена в последние годы царствования Ивана Грозного, а перевод истории Трои к тому времени был хорошо известен придворной элите, светской и церковной. Сам царь Иван IV ссылался на него в своем послании князю Андрею Курбскому.

История появления в Москве перевода «Истории разрушения Трои» — не просто интересный эпизод в истории древнерусской литературы. Она побуждает задаваться вопросами о характере мысли и культуры в допетровской Руси. Долгое время историки считали, в целом справедливо, что русская культура того периода была преимущественно религиозной. Россия была частью «Slavia orthodoxa», по выражению Рикардо Пиккьо. Наиболее

важными произведениями русской культуры были жития святых, гомилии и исторические повести наподобие тех, что рассказывали о Куликовской битве как об истории проявления божественной воли и доблести благочестивых православных князей. В рамках этого подхода русская культура была по сути своей религиозной, основываясь на православии, а конфессиональная граница в XVI веке отделяла ее от остального мира. Россия была единственным независимым православным государством. Вне ее пределов православные жили под властью османских султанов или католической династии Ягеллонов. Изоляция сохраняла в России чистоту веры.

Представления об истории, доминировавшие в Москве, отражали эту культуру. Всемирная история начиналась с повествования о сотворении мира, за ним следовала ветхозаветная история древнего Израиля, небольшие отрывки о Вавилоне, Персии и Александре Великом, а затем длинный и подробный рассказ о Риме со времен Юлия Цезаря, плавно переходивший в историю Византии до 1453 года. Внутри этой схемы Троянская война была лишь событием, обозначавшим переход от греческого мира к римскому через бегство Энея в Италию. То была малая часть божественного плана, простиравшегося от Сотворения и Откровения к Израилю, затем к Риму через Рождество Христово и обращение Константина. Конечным пунктом была Россия — последняя страна, верная христианству. Русская история, развивавшаяся в соответствии с этим планом, была представлена во множестве детальных описаний событий, чтобы каждый раз напоминать читателю о божественном провидении и о защите веры в критические моменты.

История Трои Гвидо делле Колонне не вписывается в такое представление о мире. Хотя автор явно был добрым католиком, в его тексте почти нет отсылок к христианству. Ближе всего к христианской тематике он подошел в длинном отступлении, где рассуждал о том, что языческие боги греков изначально были героями, обожествленными невежественными людьми («евгемеризм»). В других местах герои его истории посещают языческие храмы и приносят жертвы без всяких комментариев от автора. Боги не играют такой же большой роли в повествовании, как в сочинениях Гомера и Вергилия, но они присутствуют у Гвидо.

Современному читателю его троянская история кажется в целом «светской». Как случилось, что в России перевели эту историю, и как русские читатели воспринимали прочитанное? Зачем им понадобилась история, написанная на Сицилии? Была ли она типичным продуктом средневековой западной культуры? Я надеюсь хотя бы отчасти ответить на все эти вопросы. Русский перевод троянской истории может рассказать о многом, и мое исследование обращается лишь к этим вопросам в надежде пробудить интерес к дальнейшему его изучению.

*

Прежде чем мы перейдем к более подробному введению в историю России XVI века и к сочинению Гвидо в его собственном контексте, необходимо затронуть еще одну проблему. Каково воздействие историй о прошлом — реальном, мифологическом или просто воображенном? Не являются ли они просто «историями», «измышлениями», призванными развлечь читателя? Мне кажется, что такие истории дают ключ к представлениям о мире и ценностях мужчин и женщин прошлого, потому что в свое время служили основой для понимания их собственного мира. Обратимся к примеру, географически отстоящему от России, но современному периоду перевода и распространения истории Трои в России.

В ноябре 1519 года армия Эрнана Кортеса, испанские солдаты и их союзники-индейцы, вошли в Теночтитлан (Мехико), столицу империи ацтеков. Это событие стало поворотным моментом испанского завоевания земель в Западном полушарии и одним из самых важных в мировой истории. Среди испанских солдат был Берналь Диас дель Кастильо, который десятилетия спустя рассказал о произошедшем в своей истории завоевания Новой Испании. В 1519 году Диас был молодым человеком. Пятью годами ранее он приехал в Новый Свет из Испании и присоединился к Кортесу. Он припоминал изумление, охватившее испанцев при виде столицы ацтеков: большая ее часть была построена на насыпных островках в озере, и ее во всех направлениях пересекали каналы. Это был огромный оживленный город с великолепными дворцами и множеством сиявших золотыми

украшениями и яркими красками пирамидальных храмов, архитектурные стили которых были неизвестны в Европе. По словам Диаса, Теночтитлан был похож на город из «Амадиса Гальского»: «Мы испытывали все возрастающее удивление и говорили, что все это похоже на волшебные рассказы из книги об Амадисе!»[1]

Книга об Амадисе — повествование об Амадисе Гальском, испанский рыцарский роман, опиравшийся на французские романы XII века о короле Артуре, «британский цикл», входивший в круг чтения европейских элит начиная с позднего Средневековья и вплоть до XVII века. «Амадис» появился в Испании в XIV веке, а в 1508 году была напечатана версия Гарси Родригеса де Монтальво. Эта версия распространилась по всей Европе благодаря французскому переводу — адаптации Николя Эрбре Дез Эссара, изданной в 1510–1543 годах, одной из любимейших книг французского короля Генриха IV. На этом повествовании основаны либретто к операм Люлли и Генделя, созданные в начале XVIII века.

Комментарий Диаса показывает, что романы, которые для современной аудитории являются вымыслом и развлечением, воспринимались совершенно серьезно читателями Средневековья и раннего Нового времени. Дело не в том, что они считали правдивым все, что описывалось в книгах, но в том, что книги придавали структуру их собственному опыту. Диас истолковывал завоевание Мексики при посредстве книги об Амадисе — и город Мехико, который казался ему сошедшим со страниц романа, и битву испанцев и индейцев[2]. Опираясь на «Амадиса Гальского», а также на свои знания о реальной истории Александра Великого, Юлия Цезаря, Ганнибала и Гонсало Фернандеса де Кордовы («великого капитана», *el gran capitán*), Диас

---

[1] *Diaz del Castillo B.* Historia de la Conquista de Nueva España / Ed. por Joaquin Ramírez Cabañas. Mexico: Editorial Porrúa, 1986. P. 159 («nos quedamos amirados, y decíamos que parecía a las cosas de encantamiento que cuentan en el libro de Amadis»). Фраза приведена в русском переводе Д. Н. Егорова и А. Р. Захарьяна: *Диас дель Кастильо Б.* Правдивая история завоевания Новой Испании: Пер. с исп. / Ред. А. Р. Захарьян. М.: Форум, 2000. С. 107–108. Диас, вероятно, ссылался на вторую книгу «Амадиса Гальского», где описывались чудеса зачарованного Твердого острова, «Insola firme».

[2] *Diaz del Castillo B.* Historia de la Conquista de Nueva España. P. 349 (второе упоминание Амадиса).

создал свое сочинение, один из главных источников по истории завоевания, практически равный по значению донесениям, которые Кортес отправлял Карлу V, королю Испании. Подобно тому как Амадис Гальский стал для Диаса дель Кастильо опорой для понимания завоевания Мексики, в котором сам Диас был действующим лицом, история Троянской войны давала придворным Ивана Грозного основу для понимания событий своего собственного времени. Мы увидим, из чего она состояла.

*

Начиная с середины XIX века историки и писатели считали, что западная культура пришла в Россию только в правление Петра Великого (1689–1725) и этот процесс имел колоссальные последствия. В последние лет пятьдесят стало ясно, что царь начинал не с нуля: поколение московских придворных, царской семьи и элит, предшествовавшее Петру, читало западные книги, однако выбор был небольшим, а аудитория — ограниченной. То же самое верно и в отношении придворных проповедников и поэтов, например Симеона Полоцкого[1]. Историки предполагали, что примерно до 1660 года с Запада не приходило ничего значительного, в основном потому, что до того времени культура России была полностью религиозной, а западная культура была либо порождением других религий, католицизма и протестантизма, либо светской — плодом Ренессанса[2]. В соответствии

[1] *Бушкович П.* Политические книги в России XVII века на латинском языке // Сборник статей и публикаций, посвященный Андрею Алексеевичу Булычеву. На 60-летие со дня рождения и 35-летие начала научной деятельности / Ред. В.Е Борисов, П. Бушкович, А.В. Воробьев. М.: Древлехранилище, 2020. С. 37–54; *Bushkovitch P.* Cultural Change among the Russian Boyars 1650–1680: New Sources and Old Problems // Von Moskau nach St Petersburg: das Russische Reich im 17. Jahrhundert / Hrsg. H.-J. Torke. Wiesbaden, 2000. S. 91–111. О западном влиянии на православие через Киев см.: *Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York: Oxford University Press, 1992. P. 128–175; *Сазонова Л.И.* Литературная культура России: раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006; *Корзо М.А.* Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М.: ИФ РАН, 2011.

[2] *Picchio R.* The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of «Slavia Orthodoxa» // Slavica Hierosolymitana: Slavis Studies of the Hebrew University.

с этим подходом православие возвело стену между Россией и Западом. Оно отвергало католическую религиозную культуру, включая схоластику, а также западную светскую культуру. Православие в России, как и славянский православный мир Балкан, кроме того, не получило и светской культуры Византии, опиравшейся на античное наследие. Именно из такого представления о русской культуре исходят исследователи культуры великокняжеского, а затем царского двора[1]. Русская культура раннего Нового времени, несомненно, была преимущественно религиозной, однако в отношениях с Западом православие служило не стеной, а фильтром. Некоторые аспекты западной культуры приходили в Россию, какие-то — в неизменном виде, какие-то адаптировались, но они туда все же проникали. Затруднения для историков отчасти возникают из-за научных подходов. Исследователи древнерусской литературы имели дело с письменной культурой, которая была преимущественно религиозной. В советский период этот факт необходимо было затушевывать, хотя он проявлялся достаточно отчетливо. Тем не менее было очевидно, что в XVI веке происходили изменения. Д. М. Буланин обратил внимание на то, что в конце XV века негативная реакция на античное наследие начинает ослабевать. Сформулированная им проблема заключалась в том, что перемены казались очень ограниченными[2]. Изменения действительно оказались ограниченными по своему объему, однако другая часть проблемы состоит в том, что одно из важных, пожалуй, даже важнейшее свидетельство перемен оказалось практически неизвестным большинству ученых. То был перевод «Истории разрушения Трои» Гвидо делле Колонне. История Трои попала на страницы Лицевого свода,

---

1977. Vol. 1. P. 1–31 и др. Начиная с 1991 года в российской науке широко распространено представление о религиозном характере древнерусской культуры. До того момента данное представление не высказывалось с такой легкостью, см., впрочем: *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI веков. München: Otto Sagner Verlag, 1991.

[1] См., например: *Михайлова И. В.* И здесь сошлись все царства…: очерки по истории государева двора в России XVI века, повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.

[2] *Буланин Д. М.* Античные традиции. С. 273–275.

ее читали и обдумывали придворные и сам царь Иван Грозный[1]. Как возник перевод этой истории и что он означал для истории русской культуры раннего Нового времени? Ответ на этот вопрос и составляет предмет этой книги.

*

В других областях культуры были отмечены явные изменения. Русские летописи и давно известные источники прямо говорят, что стены Кремля, царский дворец и все кремлевские соборы, кроме одного, были творениями итальянских архитекторов. Другими словами, в конце XV — начале XVI века католиками были возведены резиденция православных великих князей и царей и главные святые места Русской православной церкви. Конечно, итальянцы адаптировали свои проекты к традициям древнерусского церковного строительства, но в украшениях Архангельского собора отчетливо видны западные декоративные мотивы. Сохранившаяся часть царского дворца, Грановитая палата, имеет итальянские прототипы. Кроме того, ученые, исследовавшие славянские рукописи и древнерусскую литературу, давно уже обнаружили случаи переводов отрывков латинских католических текстов, включая части Вульгаты, для первой полной славянской Библии — Геннадиевой Библии 1499 года. Однако до сих пор не было попытки соединить эти линии, показать и объяснить, как и почему православная культура России раннего Нового времени оказалась способной принять и ассимилировать элементы мысли и искусства, в том числе религиозного, Запада с его католической верой. Равным образом без объяснения остается и импорт элементов культуры, которые мы можем назвать «светскими», — эта идея знакома историкам средневековой Западной Европы, но не применялась к православному славянскому миру.

---

[1] Лицевой летописный свод XVI века / Ред. С. О. Шмидт, Е. Н. Казаков и др.: В 40 т. М.: Актеон, 2009–2014. История Троянской войны приведена в: Лицевой летописный свод XVI века: Всемирная история. Книги 1–2. М.: Актеон, 2014, зд.: Всемирная история. Кн. 1–2: История разрушения Великой Трои (Ч. 1–2) (далее — ЛЛСВИ-1 и ЛЛСВИ-2). См. также: *Bushkovitch P.* The Trojan War at the Court of Ivan the Terrible // Russian History. 2020. Vol. 47. № 1–2. P. 36–48.

Одним из этих «светских» элементов была «История разрушения Трои», принадлежавшая перу сицилийского судьи XIII века Гвидо делле Колонне[1]. Это повествование, изобилующее храбрыми воинами-рыцарями, мудрыми и безрассудными царями, содержащее несколько любовных историй, но, естественно, не включавшее христианские элементы, широко разошлось по позднесредневековой Европе. Сочинение Гвидо было переведено или адаптировано на большинство европейских языков, даже там, где Гомер был пока еще неизвестен. В начале XIV века флорентиец Филиппо Чеффи перевел труд Гвидо на итальянский язык[2]. Первый французский перевод был сделан около 1380 года для короля Франции, а за ним последовали еще четыре. Жак Миле из Орлеана в середине XV века сочинил стихотворный перевод и даже пьесу на основе текста Гвидо — одну из первых французских пьес на светскую тему. Другой французский перевод был плодом трудов священника Рауля Лефевра, капеллана Филиппа Доброго, герцога Бургундского; этот текст появился около 1459 года и содержал множество дополнений переводчика[3]. Эту версию вскоре напечатали. Чосер упомянул Гвидо в поэме «Дом славы» (строка 1469), написанной в 1383–1384 годах, а Джон Лидгейт представил свой сильно расширенный пересказ на английском языке (около 1410 года) как «Троянскую книгу». Более того, первой печатной книгой

---

[1] *Guido de Columnis*. Historia destructionis Troiae / Ed. N.E. Griffin. Cambridge, MA: Medieval Academy of America, 1936; *Guido delle Colonne.* Historia destructionis Troiae / Ed. and transl. by M.E. Meek. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1974. Эти издания представляют собой единственное научное издание и единственный полный перевод на современный язык. А.Н. Маслов перевел на современный русский первые части издания Натаниэла Гриффина.

[2] *Palma M.* Ceffi, Filippo // Dizionario biografico degli italiani (далее — DBI). Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1960–2019. Vol. 23. P. 320–321. Итальянский перевод издавался несколько раз: *Guido Giudice di Cholo[n]na di Messina*. Historia di Troia. Venezia: Antonio de Allexandria della Paglia et al., 1481; *Guido delle Colonne*. La storia della Guerra di Troia. Naples: Egidio Longo, 1665.

[3] *Jung M.-R.* La légende de Troie en France au moyen âge: Analyse des versions française et bibliographie raisonnée des manuscrits. Basel; Tübingen: Francke Verlag, 1966. P. 563–613; *Croizy-Naquet C.* L'Historia destructionis Troiae de Guido delle Colonne et sa première traduction française: aux origines d'un mystère profane // Théâtre et révélation: Mélanges Jean-Pierre Bordier / Ed. par C. Croizy-Naquet, S. Le Briz-Orgeur, J.-R. Valette. Paris: Honoré Champion, 2017. P. 353–369.

в Англии стал расширенный перевод Лефевра, в свою очередь переведенный на английский Уильямом Кэкстоном («Собрание повествований о Трое», «Recuyell of the Histories of Troy»), а первой печатной чешской книгой — чешский перевод («Троянская хроника», «Kronika Trojánská»)[1]. Уже около 1391 года Ганс Мейр из Нёрдлингена перевел труд Гвидо на немецкий, и этот перевод в XV веке издали несколько раз[2]. Испанский и каталанский переводы тоже появились в конце XIV века[3]. Эта история переводов, копирования и публикаций показывает, что повествование Гвидо о Трое, в разных видах, было одним из самых широко распространенных текстов позднесредневековой Европы. Существуют двадцать шесть латинских и вернакулярных инкунабул, а также сохранилось по крайней мере двести сорок латинских рукописей[4]. Наконец, в первые десятилетия XVI века перевод «Истории» пришел в Россию[5].

---

[1] The Recuyell of the Histories of Troy / Ed. H.O. Sommer: 2 vols. London: D. Nutt, 1894; чешская рукопись: Kronika Trojánská / Red. Jiří Daňhelka. Praha: Československý spisovatel, 1951; факсимильное издание чешской печатной книги: Kronika Trojánská / Red. E. Urbánková. Praha: Cimelia bohemica, 1968, и: Gesamtkatalog der Wiegendrucke: 12 Bde. Leipzig: K.W. Hiersemann, 1925–1939; Stuttgart: Anton Hiersemann, 1972–2013, № 07247, 07248 (http://www.gesamtkatalogderwiegendrucke.de/ — последнее обращение: 16.05.2025.)

[2] Das «Buch von Troja» von Hans Mair: Kritische Textausgabe und Untersuchung / Hrsg. H.-J. Dreckmann. München: Wilhelm Fink, 1970. S. 238 (первопечатные издания).

[3] La coronica troyana; a Medieval Spanish Translation of Guido de Colonna's *Historia destructionis Troiae* / Ed. F.P. Norris. Chapel Hill: University of North Carolina Press, [1970]. P. 15; Crónica Troyana / Ed. M. Sanz Julian. Zaragoza: Institucion Fernando el Catolico, 2015.

[4] В 1936 году Гриффин знал только о ста тридцати шести рукописях: *Guido de Columnis*. Historia destructionis Troiae. P. xi. Шестьдесят лет спустя М.-Р. Юнг обнаружил еще сотню: *Jung M.-R.* La légende. P. 565; Gesamtkatalog der Wiegendrucke: № 07224–07448.

[5] Единственным исследованием Троянских историй на русском языке вот уже много десятилетий остается книга: Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским летописям XVI–XVII веков / Ред. О.В. Творогов, М.Н. Ботвинник. Л.: Наука, 1972, особ. С. 148–190. К сожалению, издатели опубликовали только поздние краткие редакции, а не полный текст перевода сочинения Гвидо. Новый подход можно найти в работе: *Маслов А.Н.* К вопросу о значении русских переложений «Троянской истории» Гвидо Де Колумна // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 215–221.

Книга присутствовала во многих королевских библиотеках. Рукописный французский перевод хранился в библиотеке Генриха VIII в Англии[1]. В библиотеке императора Максимилиана I имелась копия немецкого перевода[2]. Подобным же образом у короля польского и великого князя литовского Александра была латинская история Трои, скорее всего, сочинение Гвидо[3]. Одной из самых знаменитых коллекций гобеленов из всех сделанных для бургундского двора в XV веке была серия из одиннадцати гобеленов на сюжеты Троянской войны, взятые из этой истории в переложении Бенуа де Сен-Мора и Гвидо делле Колонне. Серия гобеленов была произведением мастерской Паскье Гренье из Турне. Она была сначала приобретена для двора Карла Смелого в последние годы его правления, но другие версии гобеленов отправились в Лондон, Париж и многие другие резиденции правителей и аристократов. Гобелен с троянским сюжетом добрался и до дворца венгерских королей в Буде[4]. Циркуляция текстов и их использование для создания гобеленов, предназначенных для украшения королевских дворцов и домов знатных дворян, показывают, что русский переводчик выбрал не маргинальное или необычное произведение западной средневековой культуры, но предпочел текст, который был широко распространен и имел множество читателей в центрах культуры и власти.

---

[1] The Libraries of King Henry VIII / Ed. J.P. Carley. London: The British Library, 2000. P. 19, 198.

[2] *Gottlieb T.* Büchersammlung Kaiser Maximilians I. Leipzig: M. Spirgatis, 1900. S. 103, 161.

[3] *Gębarowicz M.* Na śladach polskich bibliotek królewskich // Roczniki biblioteczne. 1970. T. 14. S. 118. В Польше сочинение Гвидо было известно, но не переведено: *Krzyżanowski J.* Romans Polski wieku XVI. Warsaw: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1962. S. 37–38.

[4] *Asselberghs J.-P.* Les tapisseries tounaisiennes de la Guerre de Troie // Revue belge d'archéologie et de l'histoire de l'art. 1970. T. 39. P. 93–182; *McKendrick S.* The Great History of Troy: a Reassessment of the Development of a Secular Theme in Late Medieval Art // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1991. Vol. 34. P. 43–81; *Balogh J.* Die Anfänge der Renaissance in Ungarn: Matthias Corvinus und die Kunst. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1975. S. 273–274. Исследование опирается на донесение 1502 года герольда Пьера Шока, сопровождавшего Анну де Фуа-Кандаль, невесту короля Ласло II Венгерского: *Marczali H.* «Közlemények a párisi nemzeti könyvtárból» // Magyar Történelmi Tár. 1877. T. 23. S. 83–122 (донесение: S. 97–113), особ. S. 112.

*

Первая часть этой книги — попытка описать и объяснить реакцию православной Руси на католический Запад начиная с XV века. Русские не просто отвергли власть папы и ряд католических учений и практик. Они также имитировали некоторые плоды западной католической культуры. Процесс отбора заметен уже в русских сообщениях о Ферраро-Флорентийском соборе, хотя это и кажется маловероятным. Как мы увидим, осуждение собора на Руси не исключало восхищения католическими монашескими орденами и некоторыми благочестивыми практиками. Поколение спустя великий князь Иван III женился на византийской принцессе Зое Палеолог. Многие историки и еще более многочисленные журналисты рассматривали их брак как канал распространения на Руси византийской культуры и традиции, хотя они и не были в состоянии указать на тексты или примечательные произведения искусства, которые принадлежали бы этой традиции. На деле же Зоя была подопечной папы римского, жила в Риме, а греки, которых она и правда привезла с собой, подобно ей самой, были эмигрантами, осевшими в Италии. Эта история в самом деле указывает на реальные контакты московских князей с папским престолом, следы которых были впервые обнаружены в конце XIX века иезуитом Павлом Пирлингом. Открытые им архивные документы с тех пор составляют основу всех исторических повествований[1].

В то самое время, когда шли переговоры, а Зоя, переименованная в Софью, выходила замуж, ее супруг Иван III перестраивал Кремль и его соборы усилиями итальянских архитекторов-католиков. Российским искусствоведам уже более столетия известно, что Кремль был построен итальянцами, а Иван III заявил строителям, что желает получить крепость «как в Милане», то есть подобную замку Сфорца. Типично «русский» вид стенам Кремля придают шатровые навершия башен, но их добавили только в 1670-х годах[2]. Еще удивительнее история кремлевских

[1] *Pierling P.* La Russie et l'orient: mariage dun tsar au Vatican, Ivan III et Sophie Paléoloque. Paris: E. Leroux, 1891; *Pierling P.* La Russie et le Saint Siège. T. 1. Paris: Plon, 1896.

[2] *Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. Т. I. М.: Синодальная типография, 1912. С. 57–61.

соборов. Единственный кремлевский храм, построенный русскими архитекторами, — это Благовещенский собор, главная дворцовая церковь. Успенский собор, в котором служил сам митрополит/патриарх, был построен Аристотелем Фиораванти. Два храма, в которых хоронили представителей правящей династии, — Архангельский собор для мужчин и Вознесенский собор для женщин — также были построены итальянцами. Последние возвели и собор Чудова монастыря — кремлевской обители, имевшей теснейшие связи с правящим домом. Из состояния современного Архангельского собора и в еще большей степени — из реконструкций искусствоведов следует, что зодчие воспроизвели традиционную форму православного храма, но с ренессансными декоративными мотивами[1]. Итальянцы также построили великокняжеский дворец, большая часть которого теперь утрачена, но сохранившаяся Грановитая палата явно следует итальянскому образцу, так же как и крыльцо (лоджия) во внутреннем дворе[2]. В 1630-х годах голштинский посланник Олеарий счел, что кремлевский дворец выглядел итальянским[3].

Облик Архангельского собора свидетельствует, что итальянцы работали в рамках православной традиции, но вносили нечто новое, прежде всего свои декоративные мотивы, да и их строительные приемы были необычными, ведь инженерные решения тривиальными не бывают. Кроме того, за относительно короткий промежуток времени итальянцы построили много церквей (Алевиз Новый возвел двенадцать храмов за пределами Кремля), обеспечив материальную инфраструктуру для развития православной приходской сети в Москве. Конечно, знания и навыки строителей обеспечили скорость строительных работ и долговечность зданий. Заимствование итальянских строительных технологий и декоративных мотивов

---

[1] Архангельский собор Московского Кремля / Ред. Н. А. Маясова. М.: Красная площадь, 2002.

[2] *Подъяпольский С. С.* Итальянские строительные мастера в России в конце XV — начале XVI века по данным письменных источников (опыт составления словаря) // Он же. Историко-архитектурные исследования: статьи и материалы. М.: Индрик, 2006. С. 293–312.

[3] *Olearius A.* Vermehrte newe Beschreibung der Muscowitischen und Persischen Reyse, Schleswig: 1656. Reprint: Tübingen: Niemeyer, 1971. S. 146.

для крепостей и церквей не вызвало, насколько нам известно, никаких возражений, но другие аспекты церковного искусства развивались без западного воздействия. Иконы до середины XVII века эволюционировали в рамках традиции без западного влияния. В произведениях Симона Ушакова и других иконописцев того времени впервые появляется перспектива[1]. Русские заимствовали одни элементы западной культуры и игнорировали другие.

Пока Зоя, переименованная в Софью, жила в кремлевских палатах и производила на свет наследников трона, новгородский архиепископ Геннадий выделял средства на подготовку серии переводов. Этой теме посвящена вторая часть книги. Переводили западные латинские тексты, в том числе книги Ветхого Завета, отсутствовавшие в славянской традиции. Геннадиева Библия, как ее принято называть, первый в истории славянской кириллической письменности полный текст Библии, содержит значительную часть Ветхого Завета из латинской Вульгаты. Присутствуют там и другие католические тексты[2]. Эти переводы могли бы показаться незначительными — ведь их число невелико, — если бы не важнейший факт: их появление связано с центрами древнерусского общества и государственности, прежде всего с Новгородом — древним городом северо-западной Руси, с ее новой столицей — Москвой, а также с группой знакомых между собой людей и сочинений, объединивших Москву и Новгород. На протяжении столетий Новгород был центром контактов с Западной Европой благодаря торговле с Ганзой и Ливонским орденом, причем торговые и прочие контакты продолжались до конца XVII века. Близкие связи между двумя городами были созданы российским государством, возникшим к концу XV века, в правление Ивана III. К середине XVI века в рукописях, созданных благодаря покровительству митрополита Московского, появились переводы католических текстов.

---

[1] *Брюсова В. Г.* Русская живопись XVII века. М.: Искусство, 1984. С. 9–59; *Бусева-Давыдова И. А.* Культура и искусство в эпоху перемен: Россия семнадцатого столетия. М.: Индрик, 2008.

[2] *Wimmer E.* Novgorod — ein Tor zum Westen? Die Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500). Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2005.